

1 марта неминуемо наступает каждый год. Продолжается бесконечное следствие по делу об убийстве Листьева. Продолжаются вопросы людей: в метро у меня спрашивают, почему и кто убил Листьева? Таксистов особо интересует этот вопрос, им кажется, что в машине, где нас никто не слышит, я открою им сейчас страшную тайну... Я сама не знаю, кто убил талантливого ведущего и удивительного организатора новых передач и проектов, многие из которых без него кажутся осиротевшими и неинтересными.

Влад Листьев обещал мне автобус

Век. Москва, — 1997. — 1 марта

Чем дальше уходит от нас эта дата, а Листьев превращается в народного героя, тем больше многим читателям хочется знать все подробности нашей совместной с ним работы. Мне уже и самой теперь кажется это невероятным — я простая женщина, педагог по образованию, заменила самого Листьева на «Теме» на целый год. И это резко переменяло мою жизнь — в нее вошло телевидение, а с ним популярность, резкое расширение круга неординарных знакомств... Неужели все это было со мной, когда был жив Листьев? Неужели я могла на него сердиться, обижаться и даже гневаться? У каждого из нас характера хватало, поэтому работать было нелегко, но за это мы и уважали друг друга.

Теперь уже, после его гибели, друзья Влада рассказывали, что не могли понять его, когда он остановил свой выбор на мне. Как это случилось? С одной стороны, очень просто — он сам позвонил мне домой и попросил приехать в Останкино для серьезного разговора. С другой стороны, он приглядывался ко мне больше года, он видел несколько моих передач с Ангелиной Павловой под названием «До мажора». При первом нечаянном знакомстве — меня пригласили в студию от журнала «Работница», где я тогда много писала, — он очень удивился, что я осмелилась с ним спорить и доказывала свою точку зрения. Потом мне предложили роль героини в теме «Эмансипация в России». Здесь мы работали с ним в полном согласии, так как с юмором у меня и у него было все в порядке. Он и раньше удивлялся моей раскованности и непосредственности, а уж когда я вышла к нему в студию и объявила, что хочу осуществить свою мечту — и начала свой безумный быстрый танец в стиле рок-н-ролл, — он сначала растерялся, а потом так смеялся, что «упал» сам в кресло героини и вел передачу, сидя в нем и хохоча от души... Таким я его запомнила на всю жизнь.

И когда говорю о нем, то все еще не поворачивается язык сказать «покойный». Хотя доказательство этому лежит у меня на пути — я живу недалеко от Ваганьковского кладбища. Направляясь в редакцию, проезжаю мимо и всякий раз содрогаюсь при жуткой мысли, что ему там холодно...

Мы не были с ним близкими друзьями, я сразу поняла, что у него свой, особый круг и я туда не вхожа — там бомонд, большие люди, бизнесмены, артисты. А я из простых людей. Но в том-то и дело, что в нем самом такого простого человека было много. И это притягивало к нему людей.

Он был многогранен, и я очень любила наблюдать за ним:

- вот он у себя в кабинете — одним глазом телевизор смотрит, другим — на собеседника, из кружки пьет чай с шоколадными конфетами. Если настроение хорошее, искренне смеется, раскачивается в кресле, при этом нога на ногу, рассказывает или слушает какой-нибудь анекдот. А вот весь спружинил, глаза из-под очков сверкнули холодноватым блеском, закрутил усы и при этом повысил или наоборот нарочито понизил голос;

- вот на балу в ресторане — свой парень, душа компании, хотя и не пьет три года, со всеми шутит, всех любит;
- вот перед съемкой у меня в гримерной — само обаяние, вдохновляет меня, учит «быть нежной тигрицей», не бояться камеры и держать темп;

- вот на корабле «Федор Достоевский» — бледно-зеленый, страдающий во время шторма и такой несчастный и даже слабый;

- вот на творческой встрече — уверенный в себе, элегантно одетый, говорящий раскованно и так, как будто мы все его друзья здесь.

Однажды перед вылетом самолета нас долго держали в аэропорту, не хотели поливать самолет какой-то жидкостью. Листьев запомнился серьезный, сосредоточенный, передающий что-то по рации.

Помню и другого его, в аэропорту «Шереметьево» — плащ развевается, руки в карманы, усы шевелятся уже сами, и сам злой-презлой: «В чем дело? Почему Черниченко сбежал со съемки у вас? Что случилось? Расскажите подробно...». Было очень страшно. Я стала рассказывать, что Черниченко что-то не понравилось, может быть, даже и я. И он вместо ответа на вопрос о деревне стал признаваться в любви Ва-

лерию Золотухину и Театру на Таганке. Листьев немного успокоился, выслушав мой рассказ, и даже и меня успокоил.

Он был разный, как и всякий талантливый человек, и ранимый. От критики прессы, обрушившейся на него, очень страдал, хотя старался не подавать виду. Не любил, когда у него спрашивали или просили деньги. Меня предупредили об этом, но я все-таки ввела его во гнев:

- Владислав Николаевич, прошло четыре передачи. Как насчет зарплаты? — спросила я.

- Семьсот тысяч в месяц, — объявил он сумму.

Я не смогла скрыть своего расстройства — за такую трудную работу даже по двести тысяч за одну передачу не выходило. Я сурово молчала. Он спросил:

- Хорошо. Сколько вы хотите?

- Миллион в месяц! — выдохнула я. Так я стала первой «миллионершей» среди своих друзей и подруг, нашей бедной и нищей интеллигенции.

Когда я уезжала иногда читать лекции за пятьдесят тысяч, он меня ругал и внушал:

- Вы теперь звезда, понимаете?

- Нет, не понимаю!

- А звезда не должна мало получать.

Но зато потом, когда он был очень доволен моей работой, он спокойно подписал счет на внушительную сумму за посуду «Цептер» — как поощрение. Ходят слухи, что он собирался мне на день рождения автобус подарить, чтобы я внучков своих возила... да не успел. День рождения у меня 7 марта, а погиб он 1 марта. Так что и день рождения у меня бывает с горчинкой, которая теперь примешивается всегда.

Когда у меня спрашивают, а какой он был, Листьев, я отвечаю — разный! И если представить его личность в виде многогранника, то я за год своей работы с ним немного познала, только одну грань, а остальные для меня неведомы. Мне повезло. Из этой доли знакомства с таким грандом телевидения, как Влад Листьев, мне надолго хватит для воспоминаний о нем. И все детали и мелочи припомнятся.

Все это, конечно, хорошо, а вообще-то грустно. Очень даже грустно. И хотя я его побаивалась, он добавлял в мою жизнь остроту и разнообразие. Помню, каким он был отходчивым, быстро умел прощать и не таил обиды долго. В этом смысле он был легкий человек.

Мы снимали тему «Хамство». Предложила эту тему я, а разработали редакторы и корреспонденты «Темы». Я вела съемку как-то уж очень непосредственно и весело, в студии царил дух доброжелательности, я следила за темпом, боясь его потерять, и иногда отвечала сама на вопросы...

И вдруг по громкой связи, то есть все услышали в студии:

- Лидия Михайловна, это говорит Влад Листьев.

- Да, — встрепенулась я, понимая: что-то не так.

- Хотелось бы услышать хоть один ответ и желательно не из ваших уст.

- Хорошо, — сказала я и сникла, ясно представив, что ждет меня после съемки в его кабинете.

Это была настоящая экзекуция — выдохлась на съемке, хочется отдохнуть, а тут «разборка».

- Что это было сейчас в студии, скажите нам? — спросил он.

- Запись телепрограммы «Хамство» — ответила я.

- А мне кажется, что это было хамство с вашей стороны... — И пошло, и поехало.

Полумертвая я приехала домой, не спала всю ночь. А через две недели вышла передача. Раздался звонок домой мне:

- Алло! Лидия Михайловна, я вас искренне поздравляю! Прекрасная передача, и вы там прекрасно работали, я просто любовался вами...

- Да вы же меня за нее так ругали, помните?

- Ничего я не помню, поздравляю, молодец, так держать! — и он повесил трубку.

Вот такой бывал Листьев — разный, но безмерно талантливый. И светлая ему память!

И моя печаль о нем светла.

Лидия ИВАНОВА